

Плюснин Ю.М., Куперштох Н.А., Аблажей А.М.

Научные сообщества сибирских городов: полевые исследования 2002-2003 гг.

В конце 2003 года было завершено полевое науковедческое исследование, поддержанное грантом РГНФ № 03-03-18020е «Социально-психологические и организационные факторы в развитии академической и вузовской науки Западной Сибири». Это исследование явилось тематическим и географическим продолжением полевого же проекта РГНФ 2002 года (грант № 02-03-18283е «Социально-психологические и организационные факторы в развитии региональной науки: эмпирическое исследование сообществ ученых учебно-научных центров Западной Сибири»). В рамках двух этих проектов был осуществлён социальный анализ научных сообществ крупнейших городов Западной Сибири, где расположены научные центры, или институты и филиалы Сибирского отделения РАН: Томска, Омска, Кемерово, Барнаула, Красноярска. Кроме того, были обследованы и небольшие научные сообщества Абакана, Кызыла, Горно-Алтайска. Таким образом, исследование охватило, за исключением Тюмени, все научные центры СО РАН в Западной Сибири.

Первоначально, по проекту, мы не планировали столь тотального охвата научных центров, думая ограничиться лишь двумя городами – Томском в 2002 и Омском в 2003. Однако похвальное желание получить побольше эмпирических данных совпало с появившейся возможностью (благодаря увеличению объёма финансирования проекта) привлечь дополнительно молодых сотрудников к сбору материалов.

В этот список городов не входит крупнейший центр Сибирского отделения РАН – Новосибирский научный центр – по следующим причинам: здесь ведётся постоянный мониторинг сообщества учёных (с 1992 г.), эмпирические исследования, проводимые здесь, частично поддерживаются двумя исследовательскими проектами РГНФ (грант № 01-03-00152а «Региональные научные центры: условия выживания и жизнедеятельности, факторы стабилизации и самоорганизации» и грант № 02-03-18285а «Влияние формирования демократических институтов на развитие академической науки в России и на Западе; опыт сравнения», руководитель проф. В.Н. Карпович).

Благодаря полевым проектам РГНФ 2002 и 2003 гг. мы сумели впервые получить значительный (и уникальный) массив социологических данных, описывающих состояние академических и вузовских научных сообществ сразу в нескольких крупнейших городах целого региона. Такая работа не могла бы быть выполнена в рамках даже трёхлетнего исследовательского проекта, что ещё раз убеждает в важности грантов на полевые и экспериментальные исследования.

Материал, получаемый в ходе осуществления полевых проектов – данные интервью и выборочных анкетных опросов научных сотрудников – соответствует общей программе социальных исследований науки, разработанной нами в 1992-1997 гг. [1, 2]. В рамках программы было проведено несколько исследований (в том числе по гранту РГНФ № 97-03-04411 «Социально-психологический мониторинг академического сообщества Новосибирского научного центра», рук. А.А. Гордиенко). Сбор эмпирических данных по единой исследовательской программе позволил нам получить как «длинные ряды» по одной точке – Новосибирскому научному центру – так и, после осуществления этих проектов, сопоставимые данные по целому региону.

Базовыми элементами программы являются:

1. процессы социально-психологической адаптации ученых (исследование процессов и результатов адаптации академического и вузовского сообщества города к новым социально-экономическим условиям и новым условиям профессиональной деятельности);
2. последствия структурных изменений в науке (какие локальные институциональные формы приобрели адаптивные структурные преобразования в подразделениях СО РАН, каково отношение к ним учёных сибирских городов с точки зрения эффективности их научной деятельности);
3. проблемы взаимодействия вузовского и академического сообществ города в контексте воспроизводства научных кадров и интеграции исследований;
4. особенности развития инновационного комплекса науки как адаптации и новой формы организации деятельности учёных, отношение к этим новым формам разных категорий учёных и степень их включённости в инновационный бизнес;
5. социальная история региональных научных центров в городах Сибири в контексте современных преобразований в науке (какова нынешняя адаптивная ценность сложившихся в советское

В полевых исследованиях мы уделяли особое внимание двум аспектам программы. Во-первых, выявлению и изучению индивидуальных, социально-психологических факторов, имеющих значение для развития новых направлений и форм поиска в науке; они определяют и новые формы отношений в первичных научных коллективах и между коллективами лабораторий институтов, а также между академическими подразделениями и инновационными фирмами, создаваемыми самими учёными. Изучение социально-психологических факторов касается широкого спектра вопросов: от межличностных отношений в коллективе до социальных ценностных установок исследователя. Одно из важных мест здесь занимает вопрос интеллектуальной собственности в контексте отношений между учеными в их конкурентной борьбе за гранты; это, по-видимому, является одним из складывающихся на наших глазах механизмов формирования нового этоса науки в России [3]. Следствием этому являются и изменения в индивидуальных научных стилях, определяющих новое распределение типов поведения в науке – от «цехового» поведения к поведению «презентационному» (распространение последнего эмпирически зафиксировано нами в предыдущем полевом исследовании [4]).

Вторым важным аспектом представляется нам изучение новых организационных форм, сложившихся (или складывающихся) в академических и вузовских учреждениях. Эти новые формы имеют определенную адаптивную ценность и, вероятно, какие-то из них могут в будущем стать центральным направлением развития институциональных форм науки; какие-то имеют сугубо региональную или даже локальную специфику. Представляется важным зафиксировать всё возможное многообразие форм организации научной деятельности, связанных, так или иначе, с местными условиями.

Таким образом, как видно, полевые исследования были направлены на получение эмпирических материалов, отражающих обширный комплекс вопросов. Они позволят описать процессы становления новой национальной модели науки в ее организационных и сущностных формах. В данной статье мы можем представить только очень незначительную часть полученных материалов.

Методы исследования и материалы

В полевом социологическом исследовании будут использованы два вида рутинных социологических методов: экспертное интервью с руководителями научных и учебных организаций, их структурных подразделений и выборочный анкетный опрос научных сотрудников академических и вузовских НИИ. Оба метода апробированы в наших ранних исследованиях проблем структурной перестройки науки в новосибирском Академгородке и сами анкеты опубликованы (основной разработчик к. филос. н. С. Н. Еремин [5]).

Интервью проведены с руководителями и ведущими учёными более чем 30 научных учреждений и их подразделений, в университетах городов Сибири. Были получены данные выборочного анкетного опроса в Томске и Красноярске (20-% выборка из всей совокупности учёных НИУ СО РАН и некоторых университетских НИИ в этих городах), в Омске и Кемерово (30-% выборки). Высокие пропорции выборок обусловлены небольшой численностью научных сообществ СО РАН (в Томске - 680; в Красноярске - 612; в Омске - 122; в Кемерово – 76 [6]; при этом данные по численности вузовских учёных получены только для некоторых ведущих ВУЗов городов). Все выборки пропорциональны по половозрастному составу, распределению должностей, административных позиций и наличию научных степеней. Всего получены анкеты от 507 респондентов из четырёх городов Сибири. Ниже приводятся некоторые результаты опросов по этой объединённой выборке.

Реакция учёных на организационно-структурные преобразования в науке

Большинство учёных в сибирских городах до сих весьма пессимистично оценивают как нынешнее состояние всей науки, так и её состояние в своём институте. Всего треть респондентов (37%) считают состояние науки в России более или менее сносным, тогда как столько же (38%) полагают, что положение тяжелое или критическое. Точно так же лишь половина (52%) всех опрошенных уверены, что научное сообщество в их собственном институте сохранило свой потенциал и идут позитивные процессы по преодолению последствий кризиса. Другая половина респондентов (48%) так не считает: прежнего уровня уже не восстановить и речь идёт лишь о сохранении института, но возможно, что разрушительные тенденции уже не преодолеть.

По мнению подавляющего большинства учёных (87%), произошли негативные изменения в структуре научных исследований институтов. Во многих из них снижается уровень и фундаментальных и

прикладных работ (36%), либо идёт увеличение доли прикладных исследований (47%), в том числе за счёт снижения качества фундаментальных работ (24%).

При этом, по мнению многих, прежние связи, существовавшие между коллективами разных институтов, ослабевают (44%) или давно уже прерваны (10%). Лишь 32% считают, что эти отношения сохранились на прежнем уровне. И всего 14% учёных утверждают, что научные связи упрочиваются и крепнут.

В то же время, изменились в лучшую сторону отношения между коллективами академических и вузовских НИИ. Интегративные тенденции, инспирированные во многом обострением кризисной ситуацией, вызвавшей массовый приток учёных из академических НИИ в ВУЗы в качестве преподавателей, сохраняются и сейчас и в целом развиваются по четырём важным направлениям: 1) приток учёных в ВУЗы способствует повышению качества научных исследований здесь и включению студентов в научный поиск; 2) в результате усиливается кооперация научных исследований, 3) нарастает совместная подготовка научных кадров и 4) увеличивается число совместных лабораторий. Всё большее распространение получают такие формы кооперации, как создание факультетов или отделений на базе академических НИИ с выделением здесь и учебных аудиторий, при этом одновременно создаются лаборатории в ВУЗах, которыми руководят академические учёные. Это взаимодействие оказывает благотворное влияние на процессы кадрового воспроизводства науки. По отзывам всех экспертов, ситуация здесь значительно улучшилась по сравнению с серединой 90-х годов и в целом удовлетворяет учёных как качеством «нового материала», так и интенсивностью пополнения кадрами.

Вместе с тем, явный провал наблюдается в области совместного финансирования исследований и в развитии интегрального инновационного комплекса. Здесь сотрудничество ВУЗов и академических НИИ совершенно недостаточно. Основные причины связаны с законодательными ограничениями и многие учёные признают, что это реально мешает действительно полной интеграции.

Как сибирские учёные оценивают результаты мер, предпринятых в последние годы по реорганизации российской науки? Реализация мер по повышению самостоятельности региональных отделений и центров удалась полностью или частично по мнению 45% респондентов, хотя другая половина учёных (46%) затрудняется дать какую-либо определённую оценку.

Такая мера, как выборность директоров институтов, реализована, по мнению большинства (61%); только немногие учёные (13%) отказываются признать это. В целом затрудняются учёные и с определением позитивного значения введения рейтинговой оценки эффективности работы институтов. Эти бюрократические процедуры мало затрагивают конкретную деятельность учёного в институте.

Более важным представляется значение мер по введению конкурсной системы отбора исследовательских тем при распределении бюджетного финансирования. Здесь больше тех, кто считает эти меры неудачными (22%), по сравнению с теми, кто признаёт, что они удалась (9%). Большинство считает, что они реализованы лишь частично (41%).

В этой связи показательна относительно оптимистичная оценка деятельности государственных фондов (преимущественно РФФИ, поскольку подавляющее большинство респондентов – представители естественных наук и с РФФИ не знакомы). Две трети учёных (63%) считают, что это удалось полностью или частично, и только 9% признают неудачу. Хотя при ответах на прямо поставленный вопрос о значении для науки сложившейся системы предоставления грантов отечественными и зарубежными научными фондами, региональные учёные в большинстве своём определились как оппозиционеры этой системы: 64% уверены, что гранты способны обеспечить лишь задачи ситуативного выживания науки, но отнюдь не её стабильное развитие. До 10% вообще полагают, что финансирование через гранты вообще не нужно, а необходимо бюджетное финансирование. И всего 12% учёных считают, что система предоставления научных грантов отвечает целям долговременного развития науки. Таким образом, соотношение мнений 6 к 1 явно не в пользу фондов. При этом, по мнению тех же учёных, практически каждая лаборатория имеет гранты – и последние несколько лет финансирование по ним обеспечивало выживание подразделения в большей мере, чем госбюджет (соотношение рангов финансирования исследований по оценкам респондентов: 63% - за счёт фондов, 44% - госбюджет, 41% - рыночные внеаучные источники, 29% - за счёт иностранных партнёров, 22% - за счёт инновационного бизнеса, 8% - за счёт собственного наукоёмкого производства; сумма множественных оценок больше 100%). К тому же до 30-40% академических учёных ведут исследования, которые частично или полностью финансируются фондами.

Примечательно, что особенно негативное отношение к финансированию научных исследований через фонды проявляется у представителей администрации институтов. Их легко понять: используя гранты, учёный повышает индивидуальную независимость и неподконтрольность части своих исследований администрации института. И хотя в этом случае возникает немало и негативных моментов (типично

использование при выполнении исследования по гранту оборудования, реактивов и площадей института, нередко – чужой интеллектуальной собственности), но, по-видимому, учёные всё-таки отдают предпочтение свободе научного творчества. А именно её в большей мере обеспечивает индивидуальное финансирование учёных фондами, нежели бюджетное финансирование институтов.

Повсеместно проявляются послекризисные или перманентные негативные тенденции в научных учреждениях в всех городах. Лишь 1% учёных таких тенденций не видит, остальные 99% утверждают, что они есть. Среди основных негативных процессов называются следующие: уход квалифицированных сотрудников из институтов, утечка умов (за рубеж и в бизнес), недостаточный приток молодых кадров (при этом засилье старых кадров имеет место, но теперь уже не представляется сколь-нибудь значимым фактором стагнации науки). Эти основные отрицательные процессы, связанные с воспроизводством науки, дополняются двумя другими группами процессов: признанием того, что продолжается падение престижа науки в обществе и сохраняющейся материальной необеспеченностью учёных, которая дополняется ещё и необеспеченностью научных исследований. Именно материальная необеспеченность исследований (устаревающая или уже устаревшая приборная база, нехватка материалов и реактивов, недостаточное финансирование экспериментальных исследований) признаётся учёными главнейшей причиной развития негативных тенденций в своём институте (55%, следующая за ней по значению – ухудшение рабочих отношений между сотрудниками, 14%). При этом 64% респондентов вообще не смогли назвать ни единой позитивной тенденции, которую они могли бы наблюдать в своём институте.

Между тем, изменилось отношение учёных к процессам коммерциализации науки, которые выражаются с точки зрения самих учёных прежде всего в деятельности инновационных фирм на площадках института. Хотя 46% респондентов считают, что такие процессы негативно отражаются на «чистой» научной деятельности, остальные 54% признают в той или иной мере их позитивное значение (а из них 23% считают такие процессы очень позитивными).

Лаборатории, преимущественно в академических НИИ, сохраняют уровень фундаментальных наработок, соответствующих мировому (так считают до 54% всех респондентов). При этом в подавляющем большинстве лабораторий (72%) ведутся и прикладные исследования и разработки, конкурентоспособные на рынке; 41% респондентов указали, что они сами занимались или занимаются внедрением своих разработок.

Таким образом, сохраняющие негативную направленность тенденции развития организационных структур противостоят творческой активности коллективов учёных. Эта последняя оценивается самими учёными как жизнеспособная, преодолевающая разрушительную инерцию, сложившуюся в науке в середине 90-х годов.

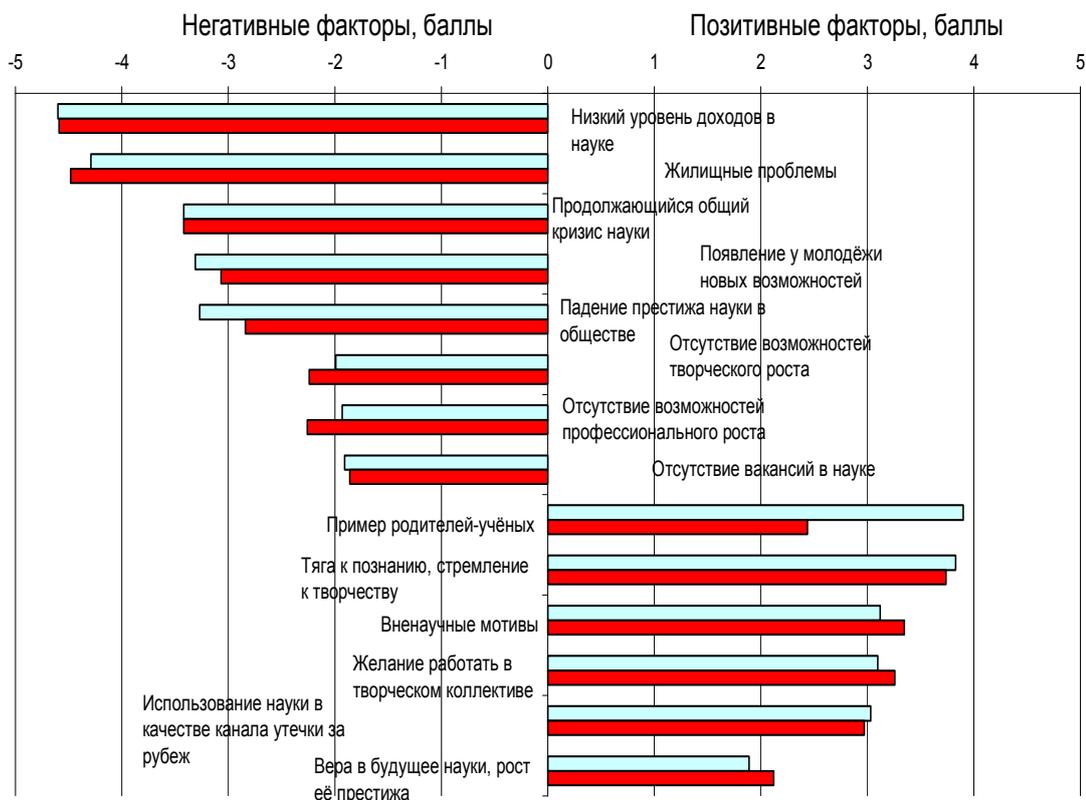
Проблема кадрового воспроизводства науки в оценках учёных

Как видно по предыдущим оценкам, проблема воспроизводства науки большинством учёных считается основной и более важной, чем все негативные изменения в структуре институтов. Какие факторы фиксируют эту проблему в негативном и позитивном смыслах?

Представления учёных региональных центров о том, что препятствует и что привлекает молодёжь в науку, банальны в своей определённости: по их мнению, важнейшими препятствиями выступают преимущественно материальные причины – низкая зарплата и отсутствие жилья, – а привлекательными по-прежнему остаются по большей части причины идеальные – пример старших (родителей-учёных) и индивидуальные особенности личности (тяга к познанию) (см. табл. 1 и рис. 1).

Такой характер оценки факторов воспроизводства несколько не поменялся за последнее кризисное десятилетие, оставаясь почти неизменным с самых первых актов «шоковой терапии науки» начала 90-х годов [1]. При этом, по мнению учёных, негативные материальные факторы постоянно пересиливают значение позитивных идеальных, оказывая более мощное воздействие на отток молодёжи из науки. Да и негативные социальные факторы (институциональный кризис науки и падение её престижа в России, появление новых профессиональных возможностей для молодёжи) по большей части превосмогут позитивные социальные и идеальные факторы. Напротив, факторы, препятствующие творческому, профессиональному и социальному росту в науке, самими учёными не оцениваются как сколько-нибудь значимые. Наука, таким образом, утратила привлекательность для молодёжи по материальным и социально-престижным основаниям, а не по профессиональным и идеальным основаниям.

Позитивные и негативные факторы кадрового воспроизводства науки

Между тем, взгляды молодых учёных на роль факторов воспроизводства российской науки несколько отличаются от взглядов их более старших коллег. Особенно это касается оценки роли таких факторов, как падение престижа науки в обществе и примера родителей-учёных для выбора профессии учёного. Молодёжь отнюдь не считает первый фактор серьёзным препятствием для работы в науке, а при оценке роли второго, наоборот, не считает его сколько-нибудь важным, тогда как старшие коллеги явно завышают его значение.

Три других важных различия также прямо коррелируют с возрастом учёного. Чем моложе учёный, тем более значимым негативным фактором он считает отсутствие в науке возможностей для профессионального роста. Учёные же старшего поколения вовсе не придают этому значение препятствия. Напротив, более молодые учёные существенно выше оценивают роль вненаучных факторов (различных социальных льгот), которые способствуют притоку молодёжи в науку. И при этом они больше верят в будущее науки, чем их старшие коллеги. В табл. 1 приведены лишь усреднённые данные по всей выборке и отдельно по подвыборке условно «молодых учёных» (в возрасте моложе 36 лет). Они не так показательны, как различия оценок, прямо коррелирующие с возрастом респондента. При большей дифференциации возрастных категорий различия в оценках роли факторов между крайними возрастными группами оказываются ещё более выраженными.

Следует отметить также и любопытные половые различия в оценках значимости факторов кадрового воспроизводства науки. При оценке факторов женщины-учёные придают существенно большее значение материальным и социальным причинам, по сравнению с учёными-мужчинами, для которых более важными остаются «идеальные» факторы. Женщины оценивают как более важные для молодёжи жилищные проблемы и низкие доходы, недостаточность вакансий в науке, отсутствие возможностей для профессионального роста и лучшую возможность использования её для утечки за рубеж. Мужчины же считают их сравнительно менее важными.

Таблица 1

Средние балльные оценки значения факторов, препятствующих (со знаком -) или способствующих (со знаком +) притоку молодёжи в науку¹.

Факторы воспроизводства науки	Вся выборка учёных				Молодые учёные (<36 лет)				Т-критерий
	X	SD	SE	N	X	SD	SE	N	
Низкий уровень доходов в науке	-4,60	0,68	0,03	501	-4,59	0,77	0,06	140	
Жилищные проблемы	-4,29	1,02	0,05	498	-4,48	0,87	0,07	140	
Продолжающийся общий кризис науки	-3,42	1,3	0,06	494	-3,42	1,12	0,09	139	
Появление у молодёжи новых возможностей	-3,31	1,35	0,06	493	-3,07	1,26	0,11	138	
Падение престижа науки в обществе	-3,27	1,44	0,07	493	-2,84	1,42	0,12	139	**
Отсутствие возможностей творческого роста	-1,99	1,5	0,07	488	-2,24	1,53	0,13	138	
Отсутствие возможностей профессионального роста	-1,93	1,44	0,07	491	-2,26	1,39	0,12	139	*
Отсутствие вакансий в науке	-1,91	1,62	0,07	484	-1,86	1,67	0,06	140	
Пример родителей-учёных	3,90	1,6	0,07	492	2,44	1,44	0,12	139	***
Тяга к познанию, стремление к творчеству	3,83	1,21	0,05	496	3,74	1,25	0,11	139	
Вненаучные мотивы	3,12	1,48	0,07	499	3,35	1,37	0,12	141	*
Желание работать в творческом коллективе	3,10	1,2	0,05	494	3,26	1,13	0,09	139	
Использование науки в качестве канала утечки за рубеж	3,03	1,35	0,06	493	2,97	1,38	0,12	140	
Вера в будущее науки, рост её престижа	1,89	1,37	0,06	491	2,12	1,38	0,12	139	*

Индивидуальные установки на профессиональную деятельность в науке

Анализ распределения ответов учёных на вопрос о причинах сохранения ими верности науке в нынешних социально и экономически неблагоприятных для такой деятельности условиях показал, что наблюдается некоторое изменение в структуре индивидуальных ценностных установок, сравнительно с той ситуацией, что наблюдалась нами в 1996-2000 гг. в Новосибирском, Хабаровском и Санкт-Петербургском научных центрах РАН [7]. Корреляционный и кластерный анализ структуры факторов, которые признаются учёными значимыми в их индивидуальных оценках сохранения верности науке показывают (см. табл. 2 и рис. 2), что надёжно выделяются два относительно полярных кластера признаков (существуют значимые отрицательные корреляции), которые соответствуют ранее [7] выделенным типам поведения в науке – «лишним людям» и «своим людям». Кластер «лишних людей» образован тремя признаками сохранения

¹ Номинальная шкала в интервале от 1 до 5 баллов, среднее значение 3,0. Условные обозначения столбцов таблицы: **X** – среднее выборочное значение балльной оценки, **SD** - дисперсия среднего, **SE** - ошибка среднего, **N** - объём выборки. Различия между средними по Т-критерию Стьюдента: * - $p < 0,01$, ** - $p < 0,001$.

верности науке, которые образуют взаимно коррелирующую группу. К типу «лишних людей» отнесены респонденты, дающие высокие оценки (ответы) по следующим причинам, заставляющим их оставаться в науке: 1) не могу найти более подходящего места; 2) боюсь остаться без работы; 3) внеучные причины (жильё, защита диссертации, отсрочка от армии и пр.). Как видно, все три причины образуют тесный взаимосвязанный кластер, коррелирующий только с причинами материальными и рутинными (привычка).

Таблица 2.

Матрица кросскорреляций между факторами сохранения учёными верности науке в нынешних условиях (в верхних строках приведены коэффициенты корреляции Спирмена, нули опущены; ниже приведены двусторонние критерии достоверности разности: $p < 0,002$ - *, $p < 0,0005$ - **, статистически достоверные различия отмечены жирным шрифтом; численность пар в каждом случае изменяется от 452 до 470).

	Надежда на позитивные изменения	Материальная необходимость	Привычка, сложно сменить образ жизни	Желание быть полезным обществу	Нравится профессия, работа	Не могу найти более подходящего места	Боюсь остаться без работы	Потому что работаю в хорошем коллективе	Внеучные причины
Надежда на позитивные изменения	1,000	,144	-,017	,303	,079	-,018	-,048	,151	,048
		,002*	,723	,000**	,087	,707	,301	,001*	,302
Материальная необходимость		1,000	,257	,154	-,093	,114	,197	,114	,025
			,000**	,001*	,044	,015	,000*	,014	,593
Привычка, сложно сменить образ жизни			1,000	,232	,036	,204	,182	,100	-,066
				,000**	,436	,000*	,000*	,032	,160
Желание быть полезным обществу				1,000	,272	-,039	,011	,250	-,081
					,000**	,406	,820	,000**	,083
Нравится профессия, работа					1,000	-,264	-,200	,128	-,306
						,000**	,000*	,005	,000**
Не могу найти более подходящего места						1,000	,545	,084	,229
							,000**	,071	,000**
Боюсь остаться без работы							1,000	,095	,155
								,041	,001*
Потому что работаю в хорошем коллективе								1,000	,102
									,029
Внеучные причины									

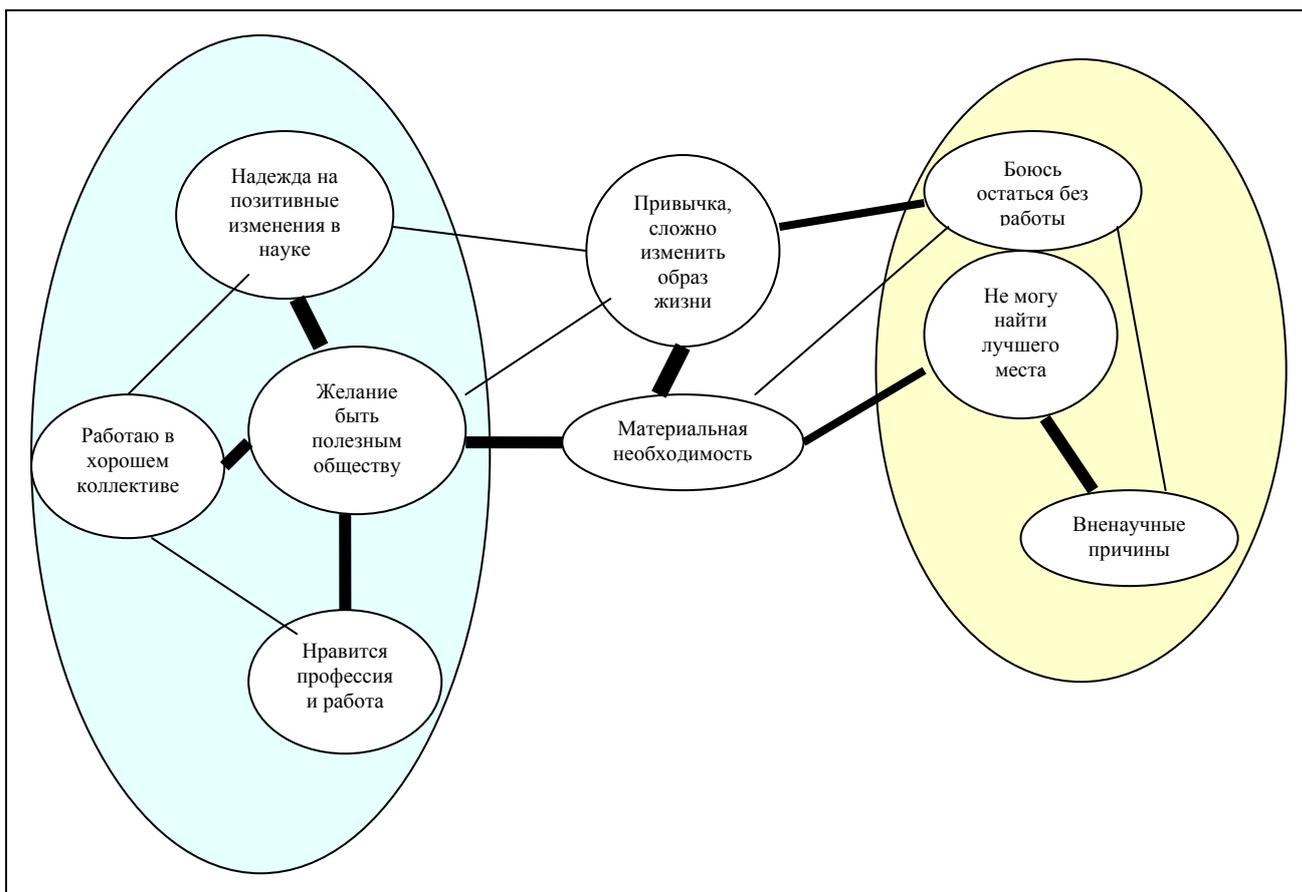

Рис. 2. Кластерная структура факторов как мотивов сохранения верности науке учёными сибирских городов. Расстояние между факторами-мотивами и толщина стрелок примерно соответствует статистически значимому (на уровне не ниже $\alpha < 0,001$) коэффициенту корреляции между факторами. Цветом выделены два кластера, объединяющие факторы позитивной (слева, 4 фактора) и негативной (справа, три фактора) мотивации профессиональной иммобильности.

К типу «своих людей» отнесены учёные, дающие высокие оценки на следующие четыре причины сохранения верности науке (две первые наиболее значимы как не коррелирующие с другими признаками): 1) мне нравится моя работа, профессия; 2) потому что работаю в хорошем коллективе; 3) надежда на позитивные изменения в науке; 4) желание быть нужным, полезным обществу. Кластер «своих людей» более размыт и не столь чётко выражен, как кластер «лишних людей», в нём выделяется «ядерная» подгруппа, фиксированная только двумя первыми признаками, и периферийная группа, фиксированная всеми четырьмя признаками. Два оставшихся признака верности науке – «материальная необходимость» и «привычка, сложно изменить образ жизни» оказываются в одинаковой степени связанными как с тем, так и с другим кластером и фиксируют просто наличную одинаково трудную для всех ситуацию. Поэтому как диагностирующие признаки они рассматриваться не могут.

Каково соотношение кластеров «своих» и «лишних людей»? Сравнение по относительной доле «ядерных» и периферийных подгрупп в каждом кластере дало следующие оценки: кластер «своих людей» содержит в «ядре» до 40% всех респондентов, а вместе с периферией составляет 60% всей выборки учёных сибирских городов. Кластер «лишних людей» образует ядерная подгруппа всего из 3,6%, а вместе с периферийной подгруппой они составляют менее 12%. По нашему мнению, это весьма показательные отличия от той ситуации в научных сообществах, какую мы наблюдали в 1996-2000 годах. Значительно, если не сказать в разы, уменьшилась среди учёных доля людей, которые себя считают лишними для науки людьми, зря занимающиеся трудом учёного (мы при этом предполагаем, основываясь на сравнительном исследовании 2000 г. в Новосибирске, Хабаровске и Санкт-Петербурге, что в то время в академической науке повсеместно наблюдалось одинаковое соотношение «своих» - 50-55% - и «лишних» людей – 18-20%).

Относительная доля «своих» в науке людей незначительно, но повышается. Возможно, однако, что все эти отличия региональных центров от более крупных в благоприятную сторону сравнительно высокой доли исследователей с установками «настоящих» учёных и сравнительно очень малой доли исследователей с установками «лишних людей в науке» вызваны были более острым характером протекания кризисных процессов в сибирских городах, что и вызвало более интенсивное вымывание из науки людей, психологически с ней не сродственных, чем, например, в Новосибирске или Санкт-Петербурге, где существовали одновременно и дополнительные возможности для жизнеобеспечения, без необходимости покидать насиженное и тёплое место, каким всегда, наверное, оставалась наука.

Библиография

1. Плюснин Ю.М., Гордиенко А.А. Научное сообщество Академгородка в период трансформации общественной жизни России. Мониторинг социально-психологического состояния научных коллективов ННЦ в 1992-1995 гг. – Новосибирск, 1995. – 60 с.
2. Гордиенко А.А., Ерёмин С.Н., Плюснин Ю.М. Академическая наука в кризисном обществе (на материалах мониторинга новосибирского Академгородка). – Новосибирск: Изд. ИФиП СО РАН, ЦСА, 1997. – 176 с.
3. Водичев Е.Г., Куперштох Н.А. Формирование этоса научного сообщества в Новосибирском Академгородке, 1960-е годы // Социологический журнал. – 2001. - № 4. – С. 41-65.
4. Плюснин Ю.М. Цеховая психология учёного, или О верности однажды выбранной специальности // Наукоеведение, М., 2003. - № 1 (17). – С. 101-110.
5. Ерёмин С.Н. Методическое сопровождение социологического мониторинга новосибирского Академгородка. – Новосибирск, 2000. – 50 с.
6. Сибирское отделение Российской академии наук в 2002 году. II. Динамика развития Сибирского отделения РАН. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – С. 10.
7. Плюснин Ю.М. Лишние люди в науке. Опыт социально-психологического расследования // Наукоеведение, М., 1999. - № 1. – С. 7-20.